

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПРАСЛАВЯНСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА ПАННОНИИ

С точки зрения как славянского, так и венгерского языкознания, богатейшим историко-языковым источником является фонд славянских заимствований (апеллятивов и топонимов), проникших в венгерский язык в период, хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895-900 гг.).

Возможность выделения этого древнейшего фонда среди всей массы венгерской лексики славянского происхождения, наиболее полно представленной в словаре И.Книежи [Kniezsa 1974] и "Историко-этимологическом словаре венгерского языка" [TESz], а также в топонимических работах [Melich 1925-1929; Kniezsa 1938, 1943; Stanislav 1948; Györfy 1963-1987; Kiss 1983 и др.], определяется в первую очередь фонетическими критериями. Представляется целесообразным осуществлять такое выделение¹ поэтапно. Во-пер-

вых, к древнейшему фонду с уверенностью можно отнести те заимствования, в которых (а) отражаются славянские носовые гласные, утрата которых в центральном ареале славянских диалектов произошла не позднее XI в. [Бернштейн 1961: 241-246; Stieber 1979: 46-48], см. также ниже; (б) слав. *c* субституируется через венг. *cs-*, *-t²*, что связано с отсутствием в древневенгерской системе фонем аффрикаты /с/ - ее появление и распространение относят к X-XIII вв. [MNyT 113; Mollay 1982: 218]. Эти два диагностических признака позволяют получить следующий этимологический перечень (топонимика учтена в нем, вероятно, неполно). Славянские реконструкции даны по ЭССЯ (буквы *a-k*) или в записи, принятой в ЭССЯ; значения венгерских слов указаны сокращенно, даты их первой фиксации в памятниках и словарях приведены преимущественно по TESz и [Kiss 1983], отдельные принадлежности автору этимологические коррективы и дополнения здесь специально не оговариваются.

*bledb > ДВ *bālind → belendēs (ок. 1380) 'распутный' (вторичная форма beléndes - по контаминации с beléndek 'белена')

*blqdv > bolond (1372/1448) 'сумасшедший'

*bobovъ > Babót (1217) МН (м. Дьер-Шопрон)

*bojevъ (?) > Bajót (1202) МН (м. Комаром)

*Boręta > Berente (1323/1332) МН (м. Боршод-Абауй-Земплен)

*cerv > cser (1193) 'чернильный дуб'

*cervje > cserje (1358/1364) 'кустарник, заросли'

*cěpъ (или *cěpy Pl.) > csép (1138/1329) 'цеп'

*cěsarъ > császár (1233) 'император'

*cěva > cséve (1548) 'цевка, шпалька'

*cěvъ (*cěvb) > csó (1319) 'труба'

*čqbrъ (см. ЭССЯ sub *čębrъ) > csombor (1220/1550)

'чабрец *Satureia hortensis*'

*dqbovъ/a/o > Dombó (1278) МН (м. Шомодь; Трансильвания)

*dqbrava (или *dqbrovъ/a/o) > Dombró (1291) МН (Трансильвания)

*dqga > donga (1233) 'клепка, изогнутая доска в бочке'

*drqdv > dorong (1291/1294) 'дубина, жердь'

*glqbvъ (?) > Galambok (1231) МН (м. Зала)

*golqbvъ (*golqvb) > galamb (1165) 'голубь'

*gqba > gomba (1138/1329) 'гриб'

*gqdvъ (?) > Gondos название горы (м. Зала)

*gręda > gērēnda (1321/1323) 'балка, брус'

*grędilъ (ЭССЯ: *grędelъ) > gērēndely (1363) 'дышло плуга'

*grędvъ > СВ gērēnd (1346) 'чердак, стропило; возвышение'

*gręba > goromba (ок. 1456) 'грубый'

*grędvъ > диал. gorond (1330/1505) 'холмик; кочка, остров на болоте'

*grędvje > диал. gorongya (1893) 'ком земли' (видимо, вторично литер. gōrōngy с экспрессивным преобразованием)

*kqd(e)rvъ > диал. kondor (1075/1217) 'кудрявый, курчавый'

*kqkoljъ > konkoly (1193) 'куколь, растения *Agrostemma githago* или *Lolium temulentum*'

*kqvъ > kone (1181/XVI в.) 'кусочек (пренебр.)'

*krqdvъ > korong (1274) 'диск, круг (сыра, гончарный)'

*krępa > Korompa (1113) МН (Словакия, слвц. *Krupá*)

- **ledjanъ* (или **lędjěnъ*) > СВ *lengyen* (1130-40/XII-XIII вв.)
 → *lengyel* 'поляк'
 **lędbnica* > *Lendence* гидроним (м.Зала)
 **lędbnikъ* > ДВ **lindnik* → *lędněk* (1471) ~ диал. *lëndĕk*
 'вика *Vicia*'
 **lętja* > *lęncse* (1325) 'чечевица'
 **lęgvъ* > *Long* (1350) МН (м.Боршод-Абауй-Земплен)
 **lęka* > *lanka* (1217/1270) 'пологий склон, (СВ) луг около водоема'
 **lękavъcъ* > *Lankóc* (1273) МН (м.Шомодь)
 **тęѣвъ* (?) > диал. *mancs* (1792) 'деревянный мяч'
 **moravъcъ* > *Marót* (1113/1410) МН (Словакия, слвц. *Zlate Moravce*)
 **тqка* > *munka* (1138/1389) 'работа, (СВ) мýка'
 **нѣтъcъ* > *nĕmĕt* (1130-40/XII-XIII вв.) 'немец'
 **obręѣвъ* > *abroncs* (1467) 'обруч'
 **qtora* > диал. *ontora* (1649) 'нарезка в клепках бочки'
 **qtokъ* > диал. *ontok* (1635) 'уток, поперечная нить ткани'
 **paqkъ* > диал. *pánk* ~ *ponk* (XVIII-XIX вв.) 'паук'
 **pętokъ* > диал. *pĕntĕk* (1138/1329) 'пятница' (вторично лит. *pĕntĕk*)
 **poręѣ(iti)* > *parancs-ol* (1372/1448) 'приказать'
 **potęgvъ* > *rating* (1577) 'гуж, особ. для крепления плуга к оглоблям'
 **prędvъ* > *porond* (1530) 'арена; (СВ) песок, коса'
 **pręgvъ* > диал. *porong* (1493) 'рама ткацкого станка; (СВ) одна из составных частей мельничной запруды'
 **pręstręgvъ* > СВ *pisztromg* (1261) → *pisztromg* (вторичная форма) 'форель'
 **rędvъ* > *rĕnd* (1248) 'ряд, порядок'
 **ręb(iti)* > *romb-ol* (1621) 'разрушать; (СВ) рассекать, разрубать'
 **ręѣvka* > СВ *roncska* (ок. 1495) 'сосуд для жидкости (с ручкой)'
 **selmę* > *szelĕmĕn* (1135) 'продольная балка крыши, обрешетина'
 **sqbota* > *szombat* (1002/1109) 'суббота'
 **sqpaѣвъ* > *Szompács* (1214) МН (м.Зала)
 **sqсѣdvъ* > *szomszĕd* (1322) 'сосед'
 **svęt(iti)* > *szent-ĕl* (1372/1448) 'святить'
 **svęto* > *szent* (1156) 'святой'
 **svętja* > *szĕrĕncse* (1275) 'судьба; удача, счастье'
 **тęѣadlo* > диал. *tenzsola* (XIX в.) 'оглобля'
 **тqpa* > *tompá* (1135) 'тупой'
 **tręba* > диал. *toromba* (1463) 'охапка соломы'
 **trędvъ* > ДВ **turund* → *torongy* (1585) 'язва'
 **vęzvъ* > СВ *venz* (1257) → *vĕnic* (вторичная форма) 'вяз'
 **xlęba* > *Helemba* (1234) название острова на Дунае
 **xręѣщану* (?) > *Herencsény* (1303) МН (м.Ноград)
 **zqbrvъ* > *Zombor* (1298) МН (м.Боршод-Абауй-Земплен)
 žqbry*/žębry* (?) > *Zsombor* (1332/1337) МН (Трансильвания)

Несмотря на некоторое однообразие этого перечня, обусловленное преобладанием структурно однотипных славянских этимонов с *q* и *ę*, в нем весьма последовательно отражаются все основные закономерности фонетической рефлексии, ха-

раактерные для заимствований раннего периода (см. о них ниже). Редчайшие отклонения от закономерностей объясняются специфическим фонетическим окружением (особенно влиянием предшествующего губного согласного на гласный) и вторичными изменениями в венгерском языке и отдельных его диалектах³; как показали наши результаты и как отчасти будет продемонстрировано в дальнейшем изложении, фактически почти не возникает необходимости связывать отклонения с особенностями тех или иных славянских диалектов-источников.

Во-вторых, к древнейшему фонду правомерно будет отнести и те заимствования, в которых при отсутствии рефлексов слав. *q, *q̣ и *q̣̣ выполняются другие характерные для приведенного перечня нормы фонетической субституции. Разумеется, в целях контроля должны учитываться и филологические данные: поскольку древневенгерский лексический материал в целом хорошо отражен в памятниках XIII-XV вв., отчасти и в более ранних, то из слов, впервые фиксируемых в XVI в. и позднее, целесообразно привлекать (и то с осторожностью) лишь те, которые до сих пор сохраняют узко специальный или диалектный характер. Исторические и историко-культурные критерии могут приниматься во внимание в той мере, в какой они исходят из бесспорных фактических данных, а не из более или менее субъективных предположений о соотносительности заимствования с определенными историческими событиями⁴.

Составленный на основе изложенных принципов словник ранних славянских заимствований насчитывает от 500 до 650 апеллятивов⁵ и несколько сот топонимов (для сравнения: в словаре И. Книежи рассмотрено в общей сложности около 1500 надежных и проблематичных славянских заимствований венгерского языка, куда не входят культурные заимствования из литературных славянских языков новейшего времени).

Для квалификации этого древнейшего фонда следует принять во внимание факты истории и данные сравнительного славянского языкознания. К моменту прихода древневенгерских племен в Среднее Подунавье эта территория имела преимущественно славяноязычное население, наиболее густое в заданых областях (собственно Паннония, прежние владения Прибины и Коцела), многочисленное в Трансильвании и сравнительно редкое на Дунайско-Тисской равнине и в бассейне Тисы [Györfy 1959: 31; Popović 1961: 202-210; Sós 1969, 1973; Пеняк 1972; Трубачев 1983: 250 и др.]. Присутствующая в ряде работ венгерских историков недооценка славянского автохтонного этнического компонента и переоценка аварского (близкого к древним венграм по хозяйственному и социальному укладу и быстро с ними слившегося) встречает серьезные возражения, см. [Simonyi 1955: 333-334; Bálint 1984: 118; Леваи 1986]. Следует иметь в виду, что государство аваров всегда строилось на своеобразном аваро-славянском симбиозе [Шушарин 1971: 75-76; Fritze 1979]; что этнополитическая ситуация после разгрома этого государства могла в IX в. привести к значительной языковой ассимиляции аваров славянами [Szöke 1960: 111; Moór 1962: 267]; наконец, что многие т.н. аварские древности Венгрии имеют в действительности славяно-аварское и даже преимущественно славянское происхождение [Седов 1979: 126-128].

Судьба славянского населения Венгрии довольно четко прослеживается по археологическим материалам из Задунавья: для конца IX – последней четверти X в. отмечаются только отдельные погребения славян и венгров, с конца X в. при сохранении отдельных погребений начинают встречаться славянские предметы в венгерских и венгерские – в славянских захоронениях, для конца XI в. характерным становится использование славянами и венграми одних и тех же погребальных полей (с пустой разделительной полосой); кроме того, в XI–XIII вв., местами до XIII в. отмечаются этнические смешанные кладбища. Наконец, в последующий период установление этнической принадлежности покойников по погребальному обряду и предметам материальной культуры становится невозможным [Fehér 1957: 15–28; ср. Váňa 1954]. Эти наблюдения, сохраняющие силу и в свете археологических исследований последних десятилетий, дают четкую картину постепенного слияния местного славянского и пришлого венгерского населения. Поскольку языком-победителем в этой ситуации оказался венгерский (а могло бы быть и наоборот – вспомним историю Болгарии), полностью уместна характеристика языка славянского населения как субстратного по отношению к современному венгерскому языку и, соответственно, оценка выделенного нами древнейшего фонда славянских заимствований как лексического субстрата.

Субстратный язык славянского населения Паннонии и других областей исторической Венгрии применительно к интересующему нас периоду (X–XII вв.) можно, по-видимому, характеризовать как один из позднепраславянских диалектов или группу таких диалектов (к вопросу об относительном единстве этого языка мы вернемся ниже), как часть общеславянского языкового континуума той эпохи, когда бассейн Дуная еще не разделял, а связывал между собой различные группы славян. Такая характеристика существенно расходится со взглядами ряда исследователей – как венгерских, так и славянских – которые тем или иным путем элиминируют панноно-славянский язык, либо приравнивая его к одному из славянских соседних языков, либо вообще предполагая чисто адстратное происхождение всех славянизмов венгерского языка, в том числе и древнейших (см. об этом далее). Однако среди множества точек зрения о хронологических рамках праславянского периода наиболее содержательным лингвистически представляется отнесение его конца ко времени, "où les différentes langues slaves perdirent pour toujours la faculté de participer toutes ensemble à des changements communs", т.е. к эпохе падения слабых еров – X–XII вв. [Troubetzkoy 1922: 217–218]; ср. также [Дурново 1932; Топоров 1959; Birnbaum 1979].

Этим определяется значение венгерского языка для славистики как источника – фактически единственного⁶ – для исследования особенностей славянского языка Паннонии (сам не будучи славянским, венгерский язык является его наследником) и как источника для позднепраславянской реконструкции. Хотя констатация этого факта со времен Фр. Миклошича прочно утвердилась в славянском языкознании, объем и способ использования венгерского материала вряд ли могут быть

признаны удовлетворительными. Ранние заимствования в венгерском языке (как, впрочем, и в румынском, и в албанском, и в финском) лишь эпизодически упоминаются в славянских этимологических словарях (из общеславянских словарей они - и то далеко не в полной мере - отражены только у Фр. Миклошича и в неоконченном труде Л. Садник и Р. Айцетмоллера). Не лучше обстоит дело и с использованием историко-фонетических импликаций. Так, в фундаментальном труде Дж. Шевелева [Shevelov 1964], где свидетельствам соседних со славянскими языков уделено особенно много внимания и, в частности, широко привлекаются данные венгерского языка, не менее половины ссылок на эти данные содержит серьезные неточности. Ср.: 1) "the earliest Hung borrowings from Sl manifest the same principle of rendering both Sl *o* and *a* by *a*" (p. 155) - в действительности венгерский язык отражает слав. *o* как *a* [á], но слав. *a* как долгий *á* [ā]; 2) венгерское отражение *я* характеризуется как "ē (open vowel)" (p. 170) - на самом деле в древневенгерском различались *ā* и *ē* (ныне совпавшие в лит. *é* [ē], но имеющие разные рефлексy в венгерских диалектах), и на месте слав. *ѣ* обычно обнаруживается закрытый ДВ *ē*; 3) венг. *megye* 'область' "goes back to Sl **medja* or **meža*; later, Hung borrowed this word again but this time with the later B[ul]g reflex of *dj*, notably *žd*: Hung *mesgye* [méžd'e] 'boundary'" (p. 216) - согласно принятым взглядам, двойственность типа *megye/mezsgye* имеет диалектную, а не хронологическую природу, причем вариант с рефлексом болгарского типа признается по крайней мере не более поздним, чем вариант с *gy* (об иной возможности объяснения этой двойственности см. ниже); 4) чередование в венг. *alma* 'яблоко', Pl. *almák* сопоставляется с метатонией в слов. *mesto*, Pl. *mestá* (p. 542) - не учитывается, что это чередование возникло вследствие сокращения долгого гласного в абсолютном ауслауте: **almá*, **almák* > *alma*, *almák*, см. [МНУТ 166]; 5) "in Hung -*a* yielded -*u* and -*ā* yielded -*ü* ~ -*i* in the eleventh century, after which both were lost, recalling the rise and loss of *jers* in Sl" (p. 624) - в действительности процессы -*a* > -*u* и -*ā* > -*ü* ~ -*i* произошли существенно раньше: они затронули венгерскую лексику финно-угорского происхождения, но не славянские и даже не более ранние тюркские заимствования, а к древневенгерскому периоду можно отнести лишь утрату ауслаутных *u*, *ü*, *i*, как восходящих к **a*, **ā*, так и содержащихся в заимствованных словах (ср. *tök* 'тыква' < слав. **tyky*).

Ниже мы - с неизбежной краткостью - охарактеризуем основные закономерности рефлексации в ранних венгерских заимствованиях из панноно-славянского, в первую очередь с точки зрения их вероятных импликаций для позднепраславянской фонетической реконструкции.

В о к а л и з м . Типичная (без учета специальных фонетических позиций и вторичных процессов) рефлексация отражена в табл. 1 и 2.

Таблица 1. От славянского к древневенгерскому

СЛАВЯНСКИЙ		ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЙ			
Традиционное обозначение	Фонетический характер в ПаннС	Без сингармонизации		При сингармонизации	
		Неконечная позиция	Ауслаут	Неконечная позиция	Ауслаут
*а	ā	ā	ā > ǎ	ā	ā > ǎ
*о	ǎ	ǎ	ǎ	ǎ	ǎ
*ѣ	ē (ē̄)	ē	Нет прим.	ā	Нет прим
*е	е (ε)	ǎ	ǎ	ǎ	ǎ
*и	ū > u	1. ū; 2. u	Нет прим.	Нет примеров	
*ъ (слабый)	ъ > ∅	∅	∅	∅	∅
*ъ (сильный)	у > ъ	u	-	i/ü	-
*у	ŷ > y	} 1. ĩ; 2. i/ü	i > ∅	1. ĩ; 2. u	i > ∅
*і	ī > i		∅	∅	∅
*ь (слабый)	ь > ∅	∅	∅	∅	∅
*ь (сильный)	і > ь	i/ü	-	u	-
*ѡ	un > ū (> ū)	un	Нет прим.	Нет примеров	
*ѣ	in > ĩ (> ē)	in	in	un	Нет прим

Таблица 2. От древневенгерского к современному венгерскому

ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЙ	СОВРЕМЕННЫЙ ВЕНГЕРСКИЙ	ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ НАПИСАНИЕ*
ā	ā	á
ǎ	ǎ	a
ǎ̄	ē	é (здесь é)
ē	ē, диал. ĩ	é (здесь ē̄)
ǎ	ε	e (здесь ε)
ū, uw (в закр. слогe)	u, в однословах ū	u, resp. ú
u	o	o
ī	i, в однословах ĩ	i, resp. í
i	e	e (здесь ë)
ū ⁸ , ūw (в закр. слогe)	ü, в однословах ū	ü, resp. ű
ü	ö	ö
āw, ǎw (в закр. слогe)	ō	ó
īw, ēw, ǎw, ĩw, iw (в закр. слогe)	ő	ő

Судьба еров. На месте "слабых" **v*, **b* в первых слогах (в т.ч. в конце слова) в заимствованиях не обнаруживается вокалических рефлексов. Само по себе это обстоятельство не могло бы служить доказательством раннего падения слабых еров в ПаннС, поскольку сам венгерский язык пережил фонетические процессы, в высшей степени сходные с процессами утраты славянских еров (ср. *bér* 'плата' < тюрк. **berü* ~ **beri*; *barom*, Асс. *barm-ot* 'скот' < тюрк. **barum*) и, весьма вероятно, происшедшие не без славянского влияния. Однако такой пример, как *reték* 'редька' < **redbky* указывает, что заимствованная форма уже не содержала никакого гласного между **d* (оглушившимся в *t*) и **k*: **redbky* > ПаннС **retky* или **ret.ky* > ДВ **rätki* > **rätk* > *reték* (с вторичной вставкой главного, см. ниже).

Высказывалось мнение о том, что венгерский язык отражает различие между слав. **-v* и **-b*: парадигматическая заднерядность слова *dërék*: *dërëka*- 'талія, поясница' < **drëkv* связана с **v* (а не **b*) в конце славянского слова [TESz 2: 618]. Однако громадное количество контрпримеров вынуждает оценить это предположение скептически.

Сильные еры в венгерском сохраняются (см. табл. 1-2). Интересно, что во многих случаях современный венгерский язык сохраняет парадигматическое чередование рефлекса сильного ера с нулем, полностью сходное со славянскими чередованиями: *járom*, Асс. *järm-ot* 'ярмо' < **arvov* (ср. русск. *ярм*, *ярма*). Но видеть здесь непосредственное заимствование морфонологической модели (которое вряд ли мыслимо при контактах неблизкородственных языков) нет нужды, поскольку аналогичное чередование присутствует в *barom* (см. выше) и ряде других слов неславянского происхождения.

В первом слоге и сильный, и слабый еры ведут себя одинаково: *rozs* 'рожь' < **rözv*, *molnár* 'мельник' < **mölynarjv*, *lén* 'лен' < **lvnv*, *pészér* 'живодер; (СВ) пшарь' < **pösarjv*. Тем самым можно предполагать такой этап фонетического развития в ПаннС, когда слабые еры в первом слоге сохранялись при утрате их в первых слогах.

Заслуживает внимания введение неэтимологического гласного, фонетически и морфонологически совпадающего с рефлексом славянского ера, для разбивки ауслатных консонантных сочетаний в словах типа *kapor*: *kapr*- 'укроп' < **koprö*, *jászol*: *jászl*- 'ясли, кормушка' < **jasli* (< **ëdsli*) (тако же происхождение и у *ë* в упоминавшемся выше *reték*). Речь, однако, идет о процессе, происшедшем уже на венгерской почве, причем после утраты конечного *-i* в **jasli* и под.

Количество. Один из наиболее существенных выводов, к которому приводит анализ системы вокалической рефлексии, состоит в том, что в ПаннС (а скорее всего, и в соседних с ним славянских диалектах) с достаточной полнотой сохранялись в X-XII вв. количественные различия между первичными долгими **a*, **ë*, **u*, **y*, **i* и первичными краткими **o*, **e*, **v*, **b* (хотя они и сочетались с новыми, качественными различиями), см. об этом уже [Kniezsa 1963a: 96].

Делались попытки объяснить венг. *á* на месте слав. *a* тем, что при отсутствии в древневенгерской системе нелабиализованного краткого [a] долгий *á* оказывался наиболее естест-

венным субститутом слав. *a* (краткого), см. [Asbóth 1907: 66] и др. В принципе, сходными соображениями можно пытаться порознь объяснить и все остальные случаи количественно различной субституции первично долгих и первично кратких славянских гласных. Однако в целом предположение о том, что венгры при заимствовании столь успешно восстанавливали уже утраченную исходную долготу (у **a* и **ě* — практически всегда, у **u*, **y* и **i* — в значительной части случаев), в то время как на месте исходно кратких гласных долготы никогда не появлялось, выглядит совершенно неправдоподобным.

Обычно считается, что сокращение первичных долгот произошло в диалектно дифференцированном праславянском языке не позднее падения слабых еров, поскольку последнее вызвало в ряде славянских диалектов в определенных акцентных условиях компенсаторное удлинение предшествующего гласного — т.е. создало принципиально новую систему вторичных долгот, лишь фрагментарно соотносенную с первичной системой [van Wijk 1937; Бернштейн 1961: 230-238; Shevelov 1964: 521; Timberlake 1983]. Данные венгерского языка, которые многие слависты не учитывали вообще, а Дж.Шевелев обходит ссылкой на то, что отражение славянской долготы в венгерском не вполне последовательно [Shevelov 1964: 520], побуждают к пересмотру этого тезиса. Очевидно, "новые долготы" должны рассматриваться как первоначально чисто акцентное явление, как возникновение новых интонаций, накладывавшихся на старые интонации и на еще сохранявшиеся количественные различия. Не вдаваясь в обсуждение возможных импликаций и интерпретаций этого факта (проблема осложняется чрезвычайным разноморьем соответствий "новых долгот" в славянских языках, что, кстати, само по себе свидетельствует против архаичности их квантитативной реализации), ограничимся констатацией того, что различий в рефлексации удлинявшихся и неудлинявшихся гласных в ранних заимствованиях не обнаруживается, ср. *bab* 'боб' (при схрв. *bǫb*, слн. *bǫb*, чеш. *bob*, слвц. *bǫb*, пол. *bób*, укр. *бiб*), *ganaĵ* 'гной' (схрв. *gnǫĵ*, слн. *gnǫĵ*, чеш. *hnůj*, слвц. *hnoĵ*, пол. *gnój*, укр. *гниў*) и *lapát* 'лопата' (схрв. *lǫnata*, слн. *lopáta*, чеш. слвц. *lopata*, пол. *łopata*, укр. *лопáта*). С другой стороны, вторичная долгота отражена в диал. *bór-fa* 'сосна' (из слвц. *bǫr*) и ряде других поздних заимствований.

В буквально считанных ранних заимствованиях отмечается краткий рефлекс слав. **a* или **ě* в первом или закрытом последнем слоге (в срединных слогах такой феномен гораздо более част, но объясним процессами, происходившими на венгерской почве): *jegĕnyĕ* 'пирамидальный тополь' < **agnĕdv*, *Kamon MN* < **kamenŭ*, *lĕngyĕl* 'поляк' < **lĕdĵanŭ* или **lĕdĵĕnŭ*, *mĕdĕncĕ* 'таз' < **mĕdŭnica*, *mostoha* 'мачеха' < **matĵexa* (рефлекс **a* в первом слоге аномален и в качественном отношении), *zanót* 'ракетник' < **zanovĕtv*.. Ограниченность материала позволяет лишь предположить, что эта группа отражает начавшееся сокращение долгот, в особенности в ударном слоге под акутом (ср. **ǣgnĕ*, **kámenŭ*, **mĕdŭ*, **mátĵexa*).

Более сложен вопрос о двойственной рефлексации узких долгих гласных **u*, **y*, **i*, для которых наряду с более частыми долготными рефлексами (ДВ *ū*, *ī*, совр. *u/ú*, *i/í*) неред-

ко находим и краткостные (ДВ *u, i, ū, совр. o, ě, ō*). Здесь сыграл роль комплекс факторов, среди которых определяющее место принадлежало позиции в слове: краткостные рефлексы решительно преобладают в непервых закрытых слогах (*pásztor* 'пастух' < **pastyrъ, karácsony* 'рождество' < **korčunъ*) и в первом слоге, начинавшемся в славянском со стечения двух согласных (*bĕlĕzna* 'дефект в ткани' < **blizna/o, szolga* 'слуга' < **sluga*); для открытого первого слога характерен долготный рефлекс (*hiba* 'ошибка' < **xyba, ruha* 'одежда' < **ruho*). Отмечается и ряд расхождений в трактовке слав. **u, *y, *i* между венгерскими диалектами, причем в целом долготные рефлексy более характерны для восточной части Венгрии, а краткостные — для Задунавья (ср. [МНУА, карта 256] для *villa ~ vĕlla* 'вилка' < **vidla*). Эти особенности распределения рефлексов, а также возможная зависимость от славянских интонаций требуют дополнительного изучения. Во всяком случае, сами колебания в рефлексации долготы у **u, *y* и **i* (при чрезвычайной редкости таких колебаний у **a* и **ĕ*) свидетельствуют о том, что узкие гласные были раньше и сильнее затронуты начавшимся процессом сокращения первичных долгот.

Сингармонизация. Этим термином здесь обозначен переход гласных заднего ряда в передний ряд и наоборот для удовлетворения требованиям гармонии гласных в пределах одного слова; сингармонизации подверглись все давние не книжные заимствования, проникшие в венгерский язык из не знающих вокалической гармонии источников и включавшие разнорядные гласные⁹.

Одно из наиболее существенных новых наблюдений, сделанных в связи с изучением славянских заимствований венгерского языка, состоит в установлении зависимости направления сингармонизации от места ударения в слове-источнике: "гармоническим стержнем" становился ударный гласный. Поскольку подробно механизм действия этого правила и значимость венгерских данных для подтверждения славянской акцентологической реконструкции должны быть освещены в специальной работе (готовится к печати), ограничимся здесь несколькими примерами: *csata* 'битва; (СВ) военный отряд' < **cĕtā*, *ĕbĕd* 'обед' < **obĕdъ*; *acél* 'сталь' < **ocĕlъ*; *szĕlencĕ* 'коробочка' < **solbnĭca*; *vacsora* 'ужин' < **vĕcerjā* (венгерский язык отражает особо архаичную акцентуацию данного слова).

Группы **Торт, *Толт, *Терт, *Телт* в Паннс совпали соответственно с **TraT, *Tlat, *TrĕT, *TlĕT*, ср. *kalász* 'колос' < **kolsъ* и *palást* 'плащ' < **plāšĕv*, *szĕrda* 'среда' < **serda* и *ĕsztĕrha* 'стрежа' < **strĕxa, barázda* 'борозда' < **borzda* и *barát* 'друг' < **bratъ*.

Наиболее очевидным образом рефлексy типа *TraT* прослеживаются в непервых слогах, ср. *Nógrád* МН < **novъ gordъ, toklász* 'колосковые чешуи' < **stokolsъ*. В первом слоге панноно-славянская рефлексация сильно затемнена процессами, происходившими на собственно венгерской почве; их следует коснуться постольку, поскольку часто они создают внешний эффект отражения дOMETATETической формы (как в *szĕrda*) либо полногласной формы восточнославянского типа (как в *kalász*). Во-первых, инициальное сочетание согласных устранилось, ча-

ще всего путем вставки краткого гласного, качественно близкого стоявшему за сочетанием гласному (*kalász*). Во-вторых, гласный второго (и вообще срединного) открытого слога редуцировался до нуля, если при этом не возникало "трудного" сочетания согласных (*szërda* < ДВ **szërëdä*, ср. аналогичное развитие в *zabla* 'удила, узда' < **zobadlo* и др.), или до краткого гласного (обычно *o/ë/ö*, реже *a, i*), если полная редукция могла создать "трудное" сочетание (диал. *malogya* 'вид ивы' < ДВ **mälägyä* < Паннс **mladja* < **moldja*, ср. аналогичное развитие в *palota* 'дворец' < ДВ **pälätä* < **polata*). При этом: а) венгерские диалекты могут расколоться в трактовке некоторых сочетаний как "трудных" или "легких" (ср. *gabona*, диал. *gabna* 'хлебные злаки, зерно' < **gabino*); б) в части диалектов (особенно в западной части Венгрии) при угрозе "трудного" сочетания долгий гласный вообще не редуцировался (*szalonna*, диал. *szalánna* 'сало' < ДВ **sälän(i)nä* < Паннс **slanina* < **solnina*), см. [Моóг 1964: 48-51]. Неполная диалектная однородность венгерского литературного языка (базирувавшегося на северо-восточном диалекте, но почерпнувшего немалую часть лексики и из говоров Задунавья) создает в этой ситуации достаточно запутанную картину рефлексации. В-третьих, сокращению мог подвергнуться и долгий гласный, оказавшийся в первом слоге перед сочетанием согласных. Очевидно, наличие/отсутствие сокращения было связано с характером этого сочетания, однако малый объем материала препятствует формулировке точных правил. В случае с рефлексамии групп типа **Tort* сокращение наблюдается в *csërësznyr* 'черешня' < **çeršb-n'a*, *csoroszlya* 'лемех плуга' < **çerslo*, *Garadna* МН < **gordina* или **gordbna*, *haraszt* 'сухая листва' < **xvorstv*, *Poroszló* МН < **Peroslavь*, *Zalatna* МН < **zoltbna* и не наблюдается в *barázda* 'борозда' < **borzda*, *Daráska* МН < **doržbka*, *parázna* 'развратный' < **porzdbna/o*, *zarándok* 'паломник' < ДВ **särānnuk* < **stornьnikь*.

Группы **orT*, **oIT*. Несмотря на ограниченность имеющегося материала, он свидетельствует о том, что метатеза плавных в этих группах обычно (или всегда?) вела не к *raT*, *laT*, а к *roT*, *loT*, ср.: *rab* 'раб, пленник' < Паннс **rob* < **orbь*, диал. *rabota* 'работа' < Паннс **robota* < **orbota*, **rakëttje* ~ диал. *rakottya* 'дрок Genista', пепельная ива *Salix cinerea* < Паннс **rokytje* < **orkybtje*, *ladik* 'плоскодонка' < Паннс **lod-* (суффиксальное оформление неясно; возможно, **lodyka*) < **old-*; **lakma* (откуда производный глагол *lakmározik* 'пировать') < Паннс **lokoma/o* < **olkoma/o*.

Известно, что во всех славянских диалектах, где рефлексии **orT*, **oIT* не совпадают с рефлексамии **TorT*, **ToIT*, они не обладают полной стабильностью. Возможно, примером отклонения для Паннс является венг. диал. *rásza* 'рассада' - преобразование ДВ **räsäd* < Паннс **rassad* < **orzsadь* (хотя нельзя исключить и вторичность *á* в первом слоге этого слова, поскольку *á* вместо ожидаемого *a* мы находим и в *pászta* 'полоса поля, постать', где слав. **postatь* также отражено в преобразованном виде, с переосмыслением и усечением конечного согласного).

Н о с о в ы е г л а с н ы е . Стандартные рефлексы слав. *q и *q̣ в древнейших заимствованиях — ДВ *un* (совр. *on*) и ДВ *in* (совр. *ēn*). Видимо, это указывает на фонологические тождества *q = /vn/, *q̣ = /vn/.

Последующая утрата ринезма в Паннс свидетельствуется слоем (не очень многочисленным) заимствований, в которых *q̣ отражен как *u, а *q̣̣ — как *é, ср. *guszar* 'гусак' < Паннс **guser* < **gq̣sero*, *gúzs* 'гуж' < Паннс **guž* < **gq̣žb*, СВ *kenéz* 'князь' < Паннс **kvnèz* или **kvnèẓ* < **kvnèẓo*, *mészár-os* 'мясник' (СВ также *menszár!*) < Паннс **mésar* или **mésaṛ* < **mēsarj̣o*. Рефлексация *q̣ в виде долгого *é* говорит о том, что долгога *é сохранялась в Паннс дольше, чем ринезм.

Из других фонетических инноваций в панноно-славянском вокализме следует отметить *TьrT > TьrT, ср. *görbē* 'кривой; (СВ) горбун, горб' < Паннс **gorba* < **gorba*; не исключено, разумеется, что речь в данном случае идет о специфической передаче слогаобразующего *ṛ*. В остальном между рефлексами редуцированных в сочетаниях с плавными и их рефлексами в других сильных позициях существенных различий не обнаруживается.

К о н с о н а н т и з м . Большинство согласных фонем панноно-славянской системы имело прямые аналоги в венгерском языке, и их рефлексы тривиальны, за вычетом редких случаев вторичных изменений уже на венгерской почве (после определенных гласных -n > -ny и -l > -ly, спорадически s > c, ассимиляции и др.).

В заимствованиях отсутствуют следы палатализации на месте утраченного слабого *v. Судя по *acél* 'сталь' < **očeḷo* и под., на месте *-lv мы можем предполагать либо l, либо слабо палатализованный ḷ, контрастирующий с l' (ср. *moly* 'моль' < Паннс **mol*' < **molj̣o*).

Праславянский *v — фонетически, конечно, *w — сохранил характер глайда в Паннс и ДВ, о чем свидетельствуют примеры его вокализации: *oláh* 'румын' < ДВ **ulāh* < Паннс **wlax* < **volx̣o*, диал. *lóka* 'скамья, лавка' < **lavka*. Невокализовавшийся w в дальнейшем приобрел в венгерском языке, как и в большинстве славянских, фриктивный характер.

О судьбе слав. *c в наиболее ранних заимствованиях (> венг. *cs-*, *-c-*, *-t*) уже говорилось выше. Имеется группа заимствований, являющихся по прочим признакам достаточно ранними, но уже имеющих -c (а не -t) на месте слав. -cv (*kétrés* 'клетка' < **kotaṛcv* и др.); эта группа отражает постепенное усвоение этой аффрикаты венгерским языком в X–XII вв.

Значительная часть вторичных явлений в панноно-славянском консонантизме выглядит достаточно тривиальной с точки зрения славянской диалектологии. Последовательно представлен протетический j перед *a-, ср. *járom* 'ярмо' < **aṛṃo*; однако поздние заимствования в славянский этот процесс не охватил, ср. *érsék* 'архиепископ' < **aṛšiḳo* (при др.-слвц. *jaršik*). Засвидетельствованы также такие фонетические процессы, как *bv > b (*abár-ol* 'обварить' < Паннс **obar(iti)* < **obvar(iti)*), *nr > ndr (*pondró* 'червячок, личинка' < Паннс **pondraw* < **ponorṿo*), *bj > bl' (*geréblye* 'грабли' < Паннс **grebḷ'a* < **greblja*).

Г р у п п а *dl имеет своим рефлексом венг. ll: *villa* 'вилка' < **vidla*, диал. *silla* 'шило' < **šidlo*. Результатом

позиционного преобразования *ll* можно, по-видимому, признать *l* (в положении после согласного: *gërlicē* 'горлица' < **gordlica*, *zabla* 'удила, узда' < **zobadlo*) и *ly* (в третьем слоге: *korcsolya* 'коньки; (СВ) салазки для скатывания бочек' < **kvrǝVdlo*, *nyoszolya* 'ложе' < **nosidlo*). Примеры со слав. **tl* нам не встретились. Поскольку одновременно с этим мы находим *vitla* 'гибкий прут для плетения' < **vitblo*, очевидно, что развитие **dl* (**tl*) > *ll* произошло не на венгерской почве, а в ПаннС, причем к моменту падения слабых еров этот процесс уже завершился.

Вторая палатализация заднеязычных отразилась в группе слов с *es-* на месте слав. *с-*, а также в *kóc* 'пакля, кудель, вычески' < СВ *kolec* < **kľoci* (Pl. к **kľokъ*) и *olasz* 'итальянец; (СВ также) француз' < **volsi* (Pl. к **volxъ*). Последнее слово (несомненно, чрезвычайно раннее заимствование: первый поход венгров в Италию относится к 899 г.) интересно в двух отношениях. Во-первых, оно указывает на южнославянский эффект второй палатализации - *x* > *s* (ср. зап.слав. *x* > *š*). Во-вторых, оно отражает скорее **wlosi*, чем "нормальное" ПаннС **wlasi*: не может ли это указывать на такой неизвестный диалект-источник, в котором вторая палатализация южнославянского типа сочеталась со свойственным лехитско-луижичкой зоне развитием **Tolt* > *Tlot*?

Рефлексы **dj* и **tj*. Исследователями давно отмечена неоднозначность рефлексации этих групп в славянских заимствованиях венгерского языка. Имеющийся материал выглядит следующим образом:

bátya 'старший брат; (СВ) дядя' < (?) **batja*
диал. *garágya* 'ограда (особенно из навоза)' < **gordja*
диал. *kútya* 'хижина' < **kqtja* (после утраты ринезма)
lengyel (СВ *lengyen*) 'поляк' < **lędjanъ* или **lędjěnъ*
lencse 'чечевица' < **lętja*
диал. *malagy* 'болотный кустарник, ивняк' < **moldjo*
диал. *malogy* 'вид ивы' < ДВ **mǎlāgyǎ* < **moldja*
mégye 'медье; (СВ) граница' и *mészgye* (диал. *mezside*)
'межа, граница' < **medja*
mostoha 'мачеха' < **matjewa*
nyüst (СВ, диал. *nyist*) 'ремиза ткацкого станка' < **nitji*
(диал. *pést* 'печь', также *Pest* МН < **pektъ*)
paritty 'праща' < ДВ **pǎrātyǎ* < **portja*
ragya (диал. *rogya*) 'оспина, ржавчина' и *rozsa* 'ржавчина' < **rǝdja*
szégye 'закол для ловли рыбы' < **sédja*
szérencse 'судьба, удача, счастье' < **svrętja*¹⁰.

Согласно традиционной интерпретации, слова с *zsd, st* на месте слав. **dj, tj* считаются болгаризмами, а слова с *gy, ty* - заимствованиями сербохорватско-словенского типа (см. [Ашбот 1902: 247-266; Моор 1962: 273] и др.). Не отвергая в принципе такой возможности - или, точнее, возможности того, что славянские диалекты восточной и западной части Венгрии имели разные рефлексы **dj, tj* - отметим, что подобная неоднозначность может получить и чисто фонетическое объяснение. Рефлексы типа *zsd, st* обнаруживаются только после краткого гласного (*mostoha, mészgye, nyüst, pést, rozsa*), рефлексы *gy, ty* - всегда после дол-

гого гласного (*bátya, garágya, kútya, malágy, *malágya, *parátya, szégyt*) и в двух случаях в качестве варианта после краткого гласного (*měgyε, ragma*). В положении после славянского носового гласного *dj* отражено как *gy* (*lεngyεl*), *tj* как *cs* (*lěncse, szērencse*). Данное распределение можно интерпретировать как указание на то, что в Паннс **dj, *tj* имели "промежуточное" произношение типа *ʒd'*, *ʃt'* (через подобную промежуточную стадию должны были, вероятно, пройти и диалекты болгарского типа), и при передаче в венгерском языке слабый преконсонантный призвук стирался в позиции после долгого гласного и, как правило, усиливался до полного согласного в позиции после краткого гласного.

Выше практически все внимание было уделено вопросам исторической фонетики. Однако весьма значителен и потенциал данных венгерского языка в качестве источника для уточнения и пополнения праславянской лексической реконструкции. Речь идет, с одной стороны, о консервации ряда лексических и семантических архаизмов, скудно представленных в современных славянских диалектах, с другой стороны, о возможности удостовериться в праславянской древности многих дериватов (если их присутствие в том или ином из современных языков может быть продуктом относительно поздней деривации по продуктивной словообразовательной модели, то для венгерского языка такое объяснение исключается). В качестве иллюстрации укажем лишь на несколько этимологий, содержательно дополняющих материал ЭССЯ:

**berkovicá*. Отражено в венг. *barkóca* 'берега *Sorbus torminalis*', но не представлено в собственно славянских материалах, см. [Kniezsa 1974: 82; TESz I: 252]. Реконструируемая форма — естественное дополнение к имеющемуся в ЭССЯ ряду **berkv, *berka, *berkovcov*.

**dvska*. Латино-германская этимология слав. **dvska* позволяет предполагать, что исходно это слово имело форму **dvska*, см. [Мартынов 1963: 61]. Эта не засвидетельствованная форма подтверждается венг. *dēsška* 'доска'. Напротив, диал. (преимущественно в секлерских говорах) *doszka* id. отражает слав. **dvska*.

kamorv*. Эта предложенная О.Н.Трубачевым реконструкция гетероклитического *r*-варианта к слав. **kamy* (kamenь*), опирающаяся на словин. стар. *kamor* 'камень' [Трубачев 1972: 10; ЭССЯ 9: 137], отражена, по-видимому, и в *Kamor* — названии одной из вершин в горах Бёржён (м.Пешт) (неубедительны объяснение через пол. диал. *kamor* 'комар', *Kamor* ЛИ, см. [Kiss 1983: 312], и сравнение со слн. *Kamerovic*, см. [Stanislav 1948: II, 252]).

Как мы попытались показать выше, подавляющее большинство ранних славянских заимствований венгерского языка фонетически возводимо к позднепраславянскому диалекту, который по совокупности особенностей во многом близок южнославянским языкам, а также среднесловацкому диалекту, но в то же время вряд ли может быть отождествлен с одним из них (в частности, от словацкого языка его отличает тенденция к слиянию юса малого и ятя, от словенского и сербохорватского — судьба редуцированных гласных, от болгарского — развитие ряда консонантных сочетаний и т.д.).

Большинство отмечавшихся выше расхождений и отклонений в рефлексии естественно связывать либо со вторичными процессами в истории венгерского языка (к сожалению, многие из них, в особенности имеющие диалектный характер, пока не нашли адекватного описания в унгаристике), либо с различными хронологическими этапами в истории субстратного позднепраславянского диалекта, ср., например, начало сокращения акутовых долгот и утрату ринезма. Те расхождения, которые можно было бы связать с внутренней дифференциацией славянского диалектного субстрата, не имеют принципиального характера — они могли касаться акцентуации отдельных слов (ср. *cseléd* 'батрак', *család* 'семья': слав. **čel'adb*, **čel'adb*?) и длительности исходно долгих гласных верхнего подъема (менее вероятно предположение о диалектно различной судьбе **dj* и **tj*). Но с точки зрения фундаментальных черт фонетико-фонологического строя славянского субстрата древнейшие заимствования в венгерский язык дают вполне однородную картину.

Важнейшим свидетельством относительной однородности этого субстрата является топонимический материал. В диаметрально противоположных точках венгерской языковой территории можно встретить идентичные по своему облику (и вполне отвечающие рассмотренным выше нормам фонетической субституции) топонимы славянского происхождения. Ср. *Beszterce* (Трансильвания, рум. *Bistrița*), *Beszterce(bánya)* (Словакия, слвц. *Banská Bystrica*) и *(Kis)beszterce* (м. Банья) — все из слав. **Bystrica*; *Battyán* (Трансильвания, рум. *Botean*) и *(Szabad)battyán* (м. Фейер) — оба из **botb-janь* 'аист'¹¹; *Valkó* (Трансильвания, рум. *Vălcău*) и *Valkó* (м. Пешт) — оба из **vьlkovь/a/o*; количество примеров этого рода можно многократно увеличить (напротив, среди примеров фонетически расходящихся топонимов одного происхождения — ср. *Varbó* и *Orbó* из слав. **vьrbovь/a/o* и др. — предшествующими исследованиями не выявлено какой-либо четкой территориальной дистрибуции).

Свидетельствует ли это о том, что границы распространения позднепраславянского диалекта, который мы условно обозначили как панноно-славянский (с учетом того, что Паннония имела наиболее многочисленное славянское население), приблизительно совпадали с границами исторической Венгрии? Данные славянской лингвогеографии склоняют скорее к отрицательному ответу на этот вопрос: речь идет об обширном ареале, заселение которого было связано с различными славянскими колонизационными потоками [Пеняк 1972; Седов 1979: 113] и смежные с которым славянские диалектные области к X веку уже существенно различались между собой. Однако в качестве одной из рабочих версий можно допустить, что основным источником субстратных заимствований в венгерском языке служили не локальные славянские говоры, а некое койнэ, общее для всех славянских групп древневенгерского государства (при том, что исходной диалектной базой такого койнэ скорее всего явилась Паннония). В условиях тесных этнических контактов и массового двуязычия носителями такого койнэ могли быть не только славяне, но и определенная часть венгров. Развивая данную версию, мы вправе пред-

положить, что койнэ могло сложиться еще до прихода в Среднее Подунавье венгров (потребность в нем могла возникнуть еще в государстве аваров); что даже заимствования из внешних по отношению к Венгрии славянских языков, например, древнерусского или древнерусского, должны были осуществляться через посредство койнэ и, следовательно, с соответствующим фонетическим пересчетом; наконец, что межславянское койнэ Венгрии могло сказать заметное влияние на формирование среднесловацкого диалекта и в дальнейшем словацкого национального языка (ср. различные объяснения южнославянских особенностей среднесловацкого диалекта: [Kniezsa 1948; Popović 1960: 34-41, 1961: 211-222; Horálek 1971; Krajčovič 1974]).

Подчеркнем, однако, что выдвинутая версия является одной из возможных интерпретаций сделанных выше наблюдений, но не их предпосылкой.

Как бы то ни было, осуществленная нами реконструкция фонетических особенностей источника древнейших славянских заимствований в венгерском языке свидетельствует о бесперспективности попыток связать все эти заимствования или большую их часть с одним из ныне существующих славянских языков, будь то словацкий [Valló 1897; Stanislav 1948], болгарский [Ашбот 1908; Tóth 1983; Тот 1984] или сербохорватский [Popović 1961]. В основе таких попыток лежат либо идеи об автохтонности соответствующего этноса на занятой венграми территории, либо представления об особо интенсивном культурном влиянии определенного славянского языка на венгерский. Самым негативным образом должна быть оценена гипотеза, согласно которой значительное число славянизмов было усвоено венграми еще до прихода в Среднее Подунавье из древнерусского языка [Munkácsi 1897; Pot 1973]¹².

После работ Я. Мелиха ([Melich 1903] и др.) среди венгерских славистов довольно широкое распространение приобрела концепция гетерогенности славянских заимствований венгерского языка, ср.: "Die slawischen Elemente im Ungarischen bedeuten keinen einheitlichen slawischen Einfluß auf das Ungarische. Die Ungarn hatten nie Berührungen zu den Urslawen, nur zu einzelnen slawischen Völkern und Völkerschaften, die bereits ein selbständiges Leben führten. Deshalb müßte man eigentlich nicht von einem slawischen Einfluß, sondern gesondert von altrussischen, ukrainischen, slowakischen, bulgarischen, serbischen, kroatischen, slowenischen usw. Einflüssen sprechen" [Kiss 1973:7]. Основные возражения, которые можно выдвинуть против такой концепции, носят экстралингвистический характер: она пренебрегает языковым вкладом славянского этнического субстрата и проецирует в IX-X вв. те языковые границы, которые пролегли через праславянский континуум в соответствии с возникшими позднее границами политическими. Одним из вариантов данной концепции является то или иное распределение исторической Венгрии в IX в. между отдельными славянскими народами и языками, когда, например, постулируется присутствие древних словенцев на западе Паннонии, древних сербов в Альфельде, словаков на севере страны, болгар в Потисье и Трансильвании¹³, восточных славян в верховьях Тисы и под. (см. [Moór 1962; Kniezsa 1963: 43-44]).

В чисто лингвистическом плане концепция гетерогенности оказывается, однако, практически неуязвимой. Язык паннонских славян не обладал никакими абсолютно уникальными в славянском мире фонетическими чертами и был связан множеством изоглосс со своими соседями по праславянскому континенту, поэтому любое из древних заимствований можно удовлетворительно объяснить как словакизм, или болгаризм, или сербохорватизм и т.д. Сходным делом обстоит дело и с лексико-семантическими чертами заимствований. Показательно, что вопрос о происхождении многочисленных славянских заимствований в церковной терминологии венгерского языка обычно решается путем ее весьма условного подразделения на восточно-христианскую, болгарскую по своему происхождению, и западно-христианскую, восходящую к хорвато-словенским источникам [Kiss 1973: 6] (см. также [Tóth 1985] и [Золтан 1986] с акцентировкой роли славяно-болгарской миссионерской деятельности и с недоучетом того обстоятельства, что церковная терминология старославянского языка тесно связана не столько с болгарской, сколько с моравско-паннонской христианской традицией). Конечно, такое подразделение возможно (и даже в целом ряде вариантов); но целесообразно ли оно, если учесть, что славянские прототипы большинства тех венгерских слов, о которых идет речь¹⁴, просто не могли не существовать в языке паннонских славян, христианизация которых началась еще на рубеже VIII и IX вв. [Грот 1881: 82]?

Нет оснований оспаривать возможность культурного и языкового влияния на древних венгров со стороны какого-либо из соседних славянских народов. Но вряд ли есть нужда в том, чтобы, исследуя подобные возможности, уходить от наиболее простого и естественного объяснения ранних славянизмов венгерского языка как заимствований из языка тех славян, которые вошли впоследствии в состав венгерского этноса. Такой уход фактически ведет к неполному использованию тех богатых возможностей, которые предоставляет венгерский языковой материал для праславянской реконструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует заметить, что хотя в принципе в предшествующей литературе неоднократно ставился вопрос о хронологизации славянских заимствований венгерского языка и об их древнейшем слое (см. уже [Asbóth 1907]), фактически сепаратное рассмотрение этого слоя, взятого в своей совокупности как единое целое и отграниченного от более поздних напластований, никогда не предпринималось. При этом если, например, И. Книежа в своем фундаментальном труде приводил древне-, средне- и нововенгерские заимствования из славянских источников общим списком, но, по возможности снабжал их хронологическими указаниями, то в целом ряде работ смешение различных слоев ведет к неадекватным историко-фонетическим и историко-культурным заключениям.

² В интервокальной позиции слав. *s* всегда отражается как венг. *-s-*: очевидно, в раннюю эпоху нормой субституции было слав. *-s-* > венг. *-tsz-* с последующим стяжением *tsz* в аффрикату после появления таковой в языке, как и в

собственно венгерских словах (ср. произношение слов *lát-szik* 'кажется', *tetszik* 'нравится', отраженное в старовенгерских написаниях *lacik*, *tecik*).

³ В данной работе автор вынужден в основном обойти вниманием эту исключительно важную, но далеко уведящую нас от собственно славистических проблем тему.

⁴ Ср. мнение о том, что слова *csata* 'битва; (СВ) военный отряд' (слав. **četa*) и *rab* 'пленный, раб' (слав. **orbъ*) заимствованы из сербохорватского языка в эпоху турецкого ига [Kniezsa 1974: 122, 452].

⁵ Колебания в этой оценке связаны, во-первых, с наличием ряда слов, лишенных четких диагностических признаков и могущих с равным успехом быть и ранними, и поздними заимствованиями; во-вторых, с этимологической проблематичностью некоторых венгерских слов, восходящих к тюркским, романским, немецким и другим первоисточникам либо прямо, либо через славянское посредство (ср. *sátor* 'шатер, палатка', хорошо выводимое и из слав. **šatorъ*/**šatorъ*, и непосредственно из тюрк. **čatyr*, тюркско-булг. **šatyr*). Кроме того, ряд издавна известных венгерскому языку славянизмов употребляется в инновационном фонетическом облике в результате повторного заимствования – так, наряду с представленным выше в перечне диал. *tenzsola* 'оглобля' имеются диалектные формы *tézsola*, *tézsola* с тем же значением, отражающие славянский источник с утратой ринезма.

⁶ Славянские языковые островки на территории современной Венгрии (словацкие, сербохорватские, словенские) связаны с основными территориями распространения соответствующих языков и сформировались в основном вследствие относительно поздних миграционных процессов.

⁷ При необходимости (и наличии соответствующих данных) в настоящей работе в орфографию вводится разграничение *ě* и *ě̇*, *í* и *í̇*.

⁸ В славянских заимствованиях раннего периода не встречается.

⁹ Гласные *i*, *i̇*, *ě* и *ě̇* допустимы в венгерском языке и в передне-, и в заднерядных словах.

¹⁰ Среди примеров этого рода часто упоминается и *gatya* 'подштанники'. Это слово, однако, заимствовано скорее из схрв. *gàha*, а не из ПаннС (слав. **gatja*), что подтверждают и краткостный рефлекс *a* в первом слоге, и поздняя (1530 г.) первая фиксация слова, см. [EtSz 1104-1110].

¹¹ Венгерские исследователи полагают, что топонимы без суффиксального оформления являются славянскими лишь с точки зрения дальней этимологии, но возникали вследствие собственно венгерской топонимации, см. [Kniezsa 1943: 118-119] и др. Однако при рассмотрении историко-фонетических вопросов этим обстоятельством можно пренебречь.

¹² Хотя некоторые славянизмы (например, *görög* 'грек' < **grōkъ*) могли быть заимствованы венграми еще в Северном При-

черноморье, о восточнославянском или довосточнославянском происхождении основной массы древнейших заимствований не может быть и речи. Не следует и переоценивать длительность и интенсивность древнерусско-венгерских контактов в этом регионе, см. [Шушарин 1971: 94-96].

¹³ Вопрос о болгаргах на юго-востоке Венгрии следует отделить от того обстоятельства, что Трансильвания и ряд областей к востоку от Дуная постоянно или временно находились под суверенитетом Болгарского государства: было бы странно полагать, что подданными тюрков-праболгар становились лишь славяне, произносившие *žd*, *št* на месте слав. **dj*, **tj*.

¹⁴ Например, *apáca* 'монахиня', *apát* 'аббат', *csoda* 'чудо', *hála* 'хвала', *karácsony* 'рождество', *kérész* 'крест', *kérész-él* 'крестить', *malaszt* 'благодать', *pap* 'священник' и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Ашбот О. Несколько замечаний на сочинение В.И.Ягича об истории происхождения церковно-славянского языка//ИОРЯС. VII. Спб., 1902. Кн. 4. С. 246-320.

Ашбот О. Рефлекс слов вида *трът-трът* и *тлт-тлт* в мадьярских заимствованиях из славянского языка// Статьи по славяноведению. Спб., 1908. Вып. II. С. 227-269.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. Спб., 1881.

Дурново Н.Н. К вопросу о времени распада общеславянского языка// Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Sv. 2: Přednášky. Pr., 1932. S.514-526.

Золтан А. О происхождении православного славянского слова в венгерской христианской терминологии// СЕ. XI. 1986. № 4. С. 5-9.

Леваи Б. Ранние славяне на севере Затисского края Венгрии// Palaeobulgarica. X. 1986. N 4. P. 64-67.

Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: К проблеме прародины славян. Минск, 1963.

Пеняк С.И. К вопросу о времени заселения славянами Карпатского бассейна// Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 68-77.

Рот А.М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Вр., 1973.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Топоров В.Н. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка// Славянское языкознание. М., 1959. С. 3-27.

Том И. Славяно-български заемки в унгарския език// СЕ. IX. 1984. № 5. С. 28-36.

Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике// Этимология 1970. М., 1972. С. 3-20.

Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян: Древние славяне по данным этимологии и ономастики// Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 231-270.

Шушарин В.П. и др. История Венгрии. М., 1971. Т. 1.

Asbóth O. A szlávtság a magyar keresztény terminológiában// NyK. 18. 1884. 321-427. 1.

Asbóth O. Szláv jövevényszavak, I: Bevezetés és a különböző rétegek kérdése. Bp., 1907.

Bálint Cs. A Kárpát-medence VI-IX. századi régészeti-éneptörténeti kérdései// Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásai. I:1. Bp., 1984. 107-120. 1.

Birnbaum H. Common Slavic: Progress and Problems in its Reconstruction. Columbus (Ohio), 1979.

Fehér G. Die landnehmenden Ungarn und ihr Verhältnis zu den Slawen des mittleren Donaubeckens// StSl. 3. 1957. P. 7-58.

Fritze W.H. Zur Bedeutung der Awaren für die slawische Ausdehnungsbewegung im frühen Mittelalter// Zschr. für Ostforschung. 28. 1979. S. 498-545.

Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Bp., 1959.

Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. Bp., 1963-1987. I-III.

Horálek K. Postavení slovenštiny// Slavia. 40. 1971. N 4. S. 537-550.

Kiss L. Ungarisch-slawische Wechselbeziehungen in der Sprache// Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio linguistica. 1973. P. 3-12.

Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. 3. kiad. Bp., 1983.

Kniezsa I. Ungarns Völkerschaften im 11. Jahrhundert// Archivum Europae Centro-Orientalis. IV. 1938. P. 241-412.

Kniezsa I. Kelet-Magyarország helynevei// Magyarok és románok. I. köt. Bp., 1943. 111-313. 1.

Kniezsa I. Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittel-slovakischen// Etudes slaves et roumaines. 1. 1948. P. 139-147.

Kniezsa I. Charakteristik der slawischen Ortsnamen in Ungarn// StSl. IX. 1963. P. 27-44.

- Knieszsa I.* Szláv jövevényszavaink magánhangzó-kvanti-
tása// NyK. 65. 1963 (a). 77-101. 1.
- Knieszsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai. 2.kiad.
Bp., 1974. I-II.
- Krajčovič R.* Problém praslovenskej genézy slovenčiny//
Slavia. 43. 1974. S. 368-377.
- Melich J.* Szláv jövevényszavaink, I: Az óbolgár nyelv-
emlékek szokászata és magyar nyelv szláv jövevényszavai.
Bp., 1903.
- Melich J.* A honfoglaláskori Magyarország. Bp., 1925-1929.
- Miklosich F.* Die slavischen Elemente im Magyarischen.
2. Aufl. Wien, 1884.
- Mollay K.* Német-magyar nyelvi érintkezések a XVI. szá-
zad végéig. Bp., 1982.
- Moór E.* Zur Geschichte südslavischer Völkerschaften im
Karpatenbecken// StSl. VIII. 1962. P. 267-312.
- Moór E.* Szláv jövevényszavaink kvantitási anomáliái//
NyK. 66. 1964. 43-57. 1.
- Munkácsi B.* A magyar-szláv etnikai érintkezés kezde-
tei// Ethnographia. 8. Bp., 1897. P. 1-30.
- Popović J.* Geschichte der serbokroatischen Sprache.
Wiesbaden, 1960.
- Popović J.* Quel était le peuple pannonien qui parlait
μεδος et strava?// Зборник радове Византинολошког инсти-
тута. Књ. 7. Београд, 1961. С. 197-226.
- Shevelov G.Y.* A Prehistory of Slavic: The Historical
Phonology of Common Slavic. Heidelberg; N.Y., 1964.
- Simonyi D.* Die Kontinuitätsfrage und das Erscheinen
der Slawen in Pannonien// StSl. I. 1955. P. 333-362.
- Sós Á.Cs.* Zur Frage der Kontinuität der pannonischen
Slaven im 9. Jahrhundert// Das heidnische und christliche
Slaventum. Wiesbaden, 1969. S. 153-157.
- Sós Á.Cs.* Die slawische Bevölkerung Westungarns im
9. Jahrhundert. München, 1973.
- Stanislav J.* Slovenský juh v stredoveku. Turčiansky
Sv. Martin, [1948]. I-II. diel, mapové prílohy.
- Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków sło-
wiańskich. W-wa, 1979.
- Szöke B.* Über die Beziehungen Moraviens zu den Donauge-
biet in der Spätawarenzeit// StSl. VI. 1960. P. 75-112.
- Timberlake A.* Compensatory Lengthening in Slavic, 2:
Phonetic Reconstruction// American Contributions to the
Ninth International Congress of Slavists. Vol. I: Linguis-
tics. Columbus (Ohio), 1983. P. 293-319.

Tóth I.H. A magyar nyelv bolgár-szláv elemeiről// *Dissertationes Slavicae.* 14. 1983. P. 135-158.

Tóth I.H. Adalékok a korai magyar-szláv egyházi és kulturális kapcsolatok kérdéséhez// *Fejezetek a régebbi magyar történelemből.* Bp., 1985. 55-71. l.

Troubetzkoy N. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun// *Revue des études slaves.* 2. 1922. P. 217-234.

Valló A.N. Tót elemek a magyar nyelvjárásokban különös tekintettel a magyarság és szlávtság viszonyára történeti, néprajzi és nyelvi alapon. Keszthely, 1897.

Wijk N. van. La décadence et la restauration du système slave des quantités vocaliques// *Mélanges linguistiques offerts à M.Holger Pedersen.* Aarhus, 1937. P. 373-378.

Váňa Z. Mad'ari a Slované ve světle archeologických nálezů X.-XII. století// *Slovenské archeológia.* II. 1954. S. 51-104.

СОКРАЩЕНИЯ

ДВ - древневенгерский.

ЛИ - личное имя.

МН - местное название.

Паннс - панноно-славянский.

СВ - старовенгерский.

СЕ - Съпоставително езикознание (София).

ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. М., 1974-1985. Вып. 1-12.

EtSz - *Gombocz Z., Melich J.* Magyar etymologiai szótár. Bp., 1914-1944. I-XVII. füz.

MNyA - A magyar nyelvjárások atlasza. Bp., 1970-1974. I-IV.

MNyT - *Bárczi G., Benkő L., Berrár J.* A magyar nyelv története. Bp., 1967.

НyК - Nyelvtudományi Közlemények (Bp.).

StSl - *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* (Bp.).

TESz - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Bp., 1967-1976. 1-3.